

ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ТЕКСТАМИ¹

© 2016 г. А. В. Юревич*, А. Л. Журавлев**

* Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, заместитель директора Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института психологии РАН, Москва;

** Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, директор, там же.

Анализируются тексты, посвященные поиску российской национальной идеи: как хорошо известные в истории отечественной социогуманитарной мысли, так и современные. Рассматриваются различные, в том числе психологические, функции национальной идеи, такие как смысло-жизненная, идентификационная, консолидирующая, программная, конструкционистская, компенсаторная. Подчеркивается, что национальная идея задает коллективный смысл существования нации, проецирующийся и на уровень индивидуальных смыслов. Описывается психологическая составляющая поиска национальной идеи в истории российской общественной мысли. Характеризуется состояние поиска национальной идеи и очерчиваются контуры ее оптимального варианта для современной России. Приводятся результаты опросов, демонстрирующие мнение россиян относительно того пути, по которому следует развиваться нашей стране.

Ключевые слова: национальная идея, функции, коллективные и индивидуальные смыслы, полиаспектность, прерывистость, Россия, Запад, современные варианты.

ФУНКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Соотнося национальную идею со сложившимися в психологии категориями, наверное, правильнее всего будет охарактеризовать ее как *метакатегорию*, вбирающую в себя элементы различных категорий, таких как коллективные представления, идеалы, ценностные ориентации, установки и др. И, как и в большинстве из этих категорий, в ней возможно выделение когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов. В многограннике “Национальная идея России” эта идея определяется как “устойчивое представление индивида об основополагающем в прошлом, настоящем и будущем своей страны, мобилизующее его на жизненные усилия, а также соответствующее состояние общественного сознания” [14, с. 13]. Отмечается, что “Национальная идея ..., апеллирующая к стране как к живому организму, сродни инстинкту самосохранения” [там же, с. 32], “национальная идея страны нужна не только каждому, это своеобразный смысл жизни страны в целом, ответ на вопросы, что она есть, куда и зачем идет (развивается), что для нее

ценно и непродуваемо, почему ее должны в мире уважать” [там же, с. 33].

В социальном плане проявления национальной идеи охватывают практически *все стороны общественной жизни*. Ее сравнивают со средой, сходной с воздухом, “в которой живет, развивается и действует каждый гражданин, общество в целом, элита и чиновники, политические деятели и руководители. Без нее, как без воздуха, возможны только неуспех, угасание и в пределе — гибель страны” [там же, с. 15].

Полиаспектность как характеристика российской национальной идеи проявляется и в ряде других ее определений, например: “Национальная идея, существуя для индивида, одновременно является ценностно-мотивационным представлением в рамках и масштабах всего общественного сознания, которое закрепляется и проявляется в государственных актах и атрибутике, произведениях литературы и искусства, актуальных научных задачах, образовательных стандартах и учебниках, деятельности СМИ, пропаганде и воспитании, уличной рекламе и в иных материальных воплощениях” [14, с. 15]. Отмечается и то, что национальная идея имеет одновременно *общесоциальный, государственный, и индивидуальный смысл*. “Она должна

¹ Статья подготовлена при поддержке РФН, грант № 14-18-0327.

быть в ряду высших ценностей Российского государства, в ряду его высшей государственной атрибутики” [14, с. 20]. Вместе с тем “национальная идея страны — это коренная идея сознания каждого человека, во всей его жизни — от младенчества до физической смерти” [там же, с. 25].

Акцентируется *универсальный характер* национальной идеи для различных государств: “во всех состоявшихся государствах она существует, и по структуре, функциям и назначению они — национальные идеи — схожи. Специфика же связана с идентичностью страны” [14, с. 17], «сотни стран имеют свои “формулы жизни”» [там же, с. 36]. Приводится и обстоятельный перечень “формул национальной идеи” разных стран мира [там же].

Подобные обстоятельства определяют один из контраргументов позиции некоторых современных либералов [25], утверждающих, что национальная идея “не нужна”, является специфическим заблуждением российского ума, уникальным порождением нашей нелегкой жизни и якобы отсутствует у “благополучных” народов. Авторы многотомника “Национальная идея России” подчеркивают, что “вопрос о национальной идее России имеет длительную историю. Он столь же важен для страны, как вопрос о смысле жизни для каждого человека. Без ответа на него цели, ценности, жизненная энергия, успех становятся малоосознаваемыми и труднодостижимыми” [14, с. 3].

П. Я. Чаадаев делает акцент на том, что “История всякого народа представляет собою не только вереницу следующих друг за другом фактов, но и цепь связанных друг с другом идей” [18, с. 41]. В. С. Соловьев, понимая русскую национальную идею как “вопрос о *смысле существования России* во всемирной истории” [там же, с. 186], подчеркивал, что “органическая функция, которая возложена на ту или другую нацию в этой вселенской жизни, — вот ее истинная национальная идея” [там же, с. 187]. “Участвовать в жизни Вселенской Церкви, в развитии великой христианской цивилизации, участвовать в этом по мере сил и особых дарований своих, вот в чем... единственная истинная цель, единственная истинная миссия всякого народа” [там же, с. 192], отмечая при этом, что “народ может при случае не понять своего призвания” [там же, с. 189]. По его мнению, “восстановить на земле ... верный образ божественной троицы — вот в чем русская идея” [там же, с. 294]. Вяч. Иванов писал: “И кажется, что, как встарь, так и ныне, становясь лицом к лицу, на каждом повороте наших исторических путей, с нашими исконными и как бы принципиально русскими вопросами о личности и обществе, о культуре

и стихии, об интеллигенции и народе, мы решаем последовательно единый вопрос — о нашем национальном самоопределении, в муках рожаем окончательную форму нашей всенародной души, русскую идею” [18, с. 228]. Он также называет национальной идеей “строй и синтез отличительных признаков нашего национального самосознания” [там же, с. 232], замечая, что “в ней раскрывается глубочайший смысл нашего стремления к всенародности, нашей энергии совлечения, нашей жажды нисхождения и служения” [там же, с. 237].

Наиболее нестабильные и даже деструктивные периоды в жизни страны: упадок, смута и т. п. — были сопряжены с утратой национальной идеи, что в какой-то степени характерно и для современной России, и “поэтому возвращение *идеи* в жизнь страны сверхактуально” [14, с. 12]. Делается и вывод о том, что “если в текущий момент население России вымирает, то это как раз совпадает с сегодняшним российским безвременьем, бездумьем, отсутствием смысла существования как у страны, так и у большинства ее граждан” [там же]. Естественно, связь между коллективными и индивидуальными смыслами жизни отнюдь не простая и не линейная, люди могут видеть в своей индивидуальной жизни смысл, создаваемый, например, заботой о своей семье и близких, карьерой, личностным ростом, зарабатыванием денег и т. п. Однако коллективные, в первую очередь общенациональные, смыслы служат одним из главных источников индивидуальных смыслов [7], и в отсутствие внятных коллективных смыслов количество граждан, не видящих смысла и в своей личной жизни, а значит, и количество производных от его утраты суицидов, неврозов, серьезных психических расстройств и т. д. резко возрастает.

Надо отметить и то, что крушение идеи коммунизма, которая была одной из главных национальных идей нашей страны в советские годы, привело к падению нравов, формированию безнравственной среды, в которой сформировались во многом лишенные моральных устоев “пионеры” российского бизнеса, придавшие нашей рыночной экономике в 1990-е годы криминально-паразитический оттенок.

Следует согласиться с авторами многотомника “Национальная идея России”, которые пишут, что «национальная идея обращена вовнутрь страны, она вопрошает и отвечает на вопросы: “Кто мы такие? Зачем мы и почему? В чем наша идентичность и смыслы? Как именно нам жить, чтобы *жить*?”» [14, с. 16]. Не возражая против подобного обозначения национальной идеи, необходимо в то же время сказать, что в посвященной ей

многочисленной литературе преимущественно анализируются шесть блоков вопросов:

- каковы мы, в чем ключевые особенности нашего национального менталитета;
- как, под влиянием каких факторов эти особенности исторически сформировались;
- чем мы отличаемся от других народов, в первую очередь европейских;
- какими нам надлежит быть и в каком направлении самосовершенствоваться;
- как нам благоустроить нашу общественную жизнь и наше государство, в каком направлении следует развиваться и к каким социальным идеалам стремиться;
- какова роль (миссия) России в мировой истории и современном мире.

Соответственно наша национальная идея не только обращена *внутрь* страны, но и развивается в постоянном *соотнесении* нас с другими народами, предполагающем внешние ориентиры сравнения. Подчеркнем в связи с этим и *разносторонность* нашей национальной идеи, охват ею широкого круга вопросов, поддающихся, впрочем, упорядочению и систематизации.

Отметим и то, что из-за этой разносторонности и охвата национальной идеей России очень широкого круга проблем она носит достаточно *аморфный* характер. Большое количество и предлагаемых решений проблем делает ее достаточно противоречивой и изменчивой. Попытки же сведения национальной идеи России к какой-либо простой формулировке, например, такой как “моя страна должна быть, и должна быть всегда!” [14], порождают больше вопросов, нежели вносят ясность. Трудно считать проявляющимися национальную идею России и такие ее обозначения, как “такова русская идея: *свободно и предметно созерцающая любовь и определяющаяся этим жизнь и культура*” [18, с. 239], или “творить русскую самобытную культуру – из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом – смысл русской идеи” [там же, с. 441].

Авторы упомянутого многотомника выделяют и основные *функции* (или миссии) национальной идеи России. В плане “индивидуальных жизней и потребностей” они относят к числу таких функций: мотивационную; психологически мобилизующую; национально консолидирующую, интегрирующую, объединяющую; социально-поведенчески ориентирующую; ценностно задающую; патриотически формирующую.

В плане “управленческого потенциала и энергетики” к числу подобных оказываются отнесенными следующие функции: наполняющая содержанием и методологией понятие безопасности страны; формирующая суть и содержание организации и функционирования национальных систем образования, воспитания, культуры, массового информационного воздействия; направленная на пассионарный подъем и мобилизацию народа на свершения; задающая политикообразующее начало во внутренней и внешней политике (как сферах государственного управления); определяющая образующее начало в социально-экономической политике; определяющая образующее начало в политике пропаганды [14].

Опять же, не подвергая сомнению подобное группирование, заметим, что среди *основных психологических* или, по крайней мере, имеющих выраженное психологическое содержание *функций* национальной идеи, наряду с обозначенными, отчетливо выступают: смысловая; идентификационная; консолидирующая; программная; конструкционистская (состоящая в формировании образов будущего и др.); компенсаторная (закрывающаяся в психологическом облегчении тягот повседневной жизни: все – ради светлого будущего и т. п.).

В результате тезис о многоаспектности российской национальной идеи можно дополнить тезисом о ее *многофункциональности*: выполнении ею целого ряда важнейших, в т. ч. психологических, функций.

ПОИСК РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Авторы многотомника “Национальная идея России” отмечают, что “в русской философии вообще весьма трудно найти какого-либо крупного мыслителя, который не выступал бы с подобным вопросом и проектом, – от Чаадаева до Солженицына” [14, с. 39], «именно в рамках историософии ставится триединая задача – сущностного определения прошлого, настоящего и будущего России в их связи. А именно это, в соответствии с предлагаемым определением, и составляет содержание понятия “национальная идея”» [там же, с. 39].

Для русского самосознания еще со времен средневековья был характерен религиозный (христианский) мессианизм, истоки которого объясняются “особой сопротивляемостью” Древней Руси азиатской Степи: длительным агрессивным воздействиям на нее со стороны кочевых племен Востока. В результате “самой своей исторической

судьбой, географическим положением — между европейским Западом и азиатским Востоком — Русь была как бы обречена на мессианскую роль защитницы Европы” [14, с. 6].

Принято считать, что философское обоснование нашей национальной идеи восходит к Вл. Соловьеву, который в 1888 г. в Париже прочитал доклад под названием “Русская идея”. Ее сущность в представлении Вл. Соловьева совпадает с христианским преображением жизни на основе истины, добра и красоты. Исследователи творчества этого ученого отмечают, что концепция русской идеи была органически связана со всем строем его личности и отражала не только его мысли и “философский темперамент”, но и особенности его психологического склада, личные приверженности, вкусы, идеалы [18], а биографы особо отмечают такие привлекательные черты его характера, как великодушие, веселость, терпимость, деликатность [там же].

Соловьевскую линию истолкования русской идеи продолжили представители русского культурного ренессанса начала XX века: В. Розанов, Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Иванов, Е. Трубецкой, Л. Карсавин, В. Эри и другие. Как и Вл. Соловьеву, им были свойственны приверженность высокой духовности, состраданию и милосердию [там же].

В контексте программ и проектов, которые относимы к развитию русской идеи, отчетливо проступают программы и проекты *возрождения* России, а это слово часто упоминается в соответствующих работах. Данное обстоятельство выражает тот факт, что, по мнению развивавших русскую идею, *нормальное развитие России систематически прерывалось*, она регулярно оказывалась в состоянии глубокого кризиса, для преодоления которого было необходимо ее возрождение. Соответственно, *прерывистость* развития России глубоко запечатлена в развитии нашей национальной идеи. При этом акцент всегда делался на том, что Россию нельзя возродить только “внешними” (экономическими и политическими) средствами, необходимо и ее “внутреннее” — духовно-нравственное возрождение. Так, составители сборника “Русская идея” в начале 1990-х гг. задавались вопросом: “Дорастет ли общество до понимания того, что материальный прогресс, взятый сам по себе, в отдельности, состояться не может, ибо он немислим без прогресса культурно-национального, без свободного развития человека, являющегося подлинной целью социального развития” [там же, с. 17].

Достаточно очевидна *высокая критичность* разработчиков русской идеи к духовному и социальному состоянию России, акцентируемая ими острая необходимость перемен, выражающая направленность этой идеи на *изменение* сложившейся ситуации. Так, Л.П. Карсавин писал: “На первый взгляд кажется странным, но если поразмыслить, то естественным — исконная, органическая пассивность стоит в связи с устремленностью к абсолютному, которое как-то отчетливее воспринимается сквозь дымку дремы, окутывающей конкретную действительность” [там же, с. 320]. Подвергал он критике и “закоснелость православной культуры” [там же], а также “пресловутую русскую лень” [там же, с. 320]. Е.Н. Трубецкой отмечал, что нам ближе всего “христианство Обломова” [18, с. 248]. В.Г. Белинский считал, что “нападки (даже преувеличенные) на недостатки и пороки народности есть не преступление, а заслуга, есть истинный патриотизм” [18, с. 80].

Можно выстроить *геополитическую логику* детерминации национальной идеи, ее воплощения в нашем национальном характере, внешней политике России и ее социальной жизни. Долгое время ведущей геополитической идеей России было расширение границ ради “отодвигания” агрессивных соседей, выхода к морям и т.п. Это привело к покорению огромной территории, запечатлевшейся, интериоризованной в нашем национальном характере. Огромную территорию труднее возделывать, к тому же, при наличии громадных пространств, можно, используя одни земли, переходить к эксплуатации других, не особо заботясь о состоянии прежних. Возможно, невосделанность земель, интериоризуясь, создает “невосделанность” внутреннего мира, которая, в свою очередь, проецируется на социальное устройство и экстериоризуется в нем, определяя склонность к революциям и т.п., являющихся *ментальными аналогами* перехода на новые земли без должного возделывания земель уже покоренных.

Легко улавливаются *непоследовательность и прерывистость* русской идеи, выражающиеся, например, в переходе от девизов “Москва — Третий Рим” или “Православие. Самодержавие. Народность” к девизу “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” и далее к лозунгу “Коммунизм — светлое будущее всего человечества”. *Неустойчивость* российского национального характера зафиксирована как ранее разрабатывавшими эту идею исследователями, так и современными [19 и др.]. Нашей национальной идеей были и развитый (или развитой) социализм, и коммунизм, и социализм с “человеческим лицом”, и космизм (в смысле всеобщей устремленности в космос,

выражавшейся, например, в том, что самым популярным литературным жанром в позднесоветские годы была космическая фантастика), и многое другое. А главная задача посткоммунистической России многим видится в *модернизации* нашего общества [2 и др.].

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что и в западных, и в восточных культурах регулярно менялись “общественные парадигмы” (например, “новый курс” Ф. Рузвельта, культурная революция в Китае и т. п.), “политические парадигмы” и др. Ряд авторов считает, что на пороге очередной смены таких парадигм стоит и современное человечество [2]. А в мировом социальном развитии, которое никогда не было прямолинейным и поступательным, выделяются *четыре тенденции*: вера в светлое будущее, попытки возврата к прошлому, уход от реальной действительности, спасение через духовный мир [5].

Резким изменениям подвергалась и основная линия преобразований, которую предлагали стремившиеся “сделать Россию лучше”. Некоторым из них она виделась в *усовершенствовании природы русского человека*, с помощью чего предполагалось улучшить и ситуацию в нашем обществе. Такой подход соответствует основной логике “улучшения” человека и общества, характерной для некоторых представителей психологической науки. Так, например, А. Маслоу писал: “Улучшите природу человека, и вы улучшите все” (цит. по: [22, с. 521]). Аналогичные идеи высказывались З. Фрейдом, Э. Фроммом и еще рядом классиков психологии. Другим исследователям, в особенности отечественным специалистам, стоявшим на марксистских позициях, основная линия преобразований виделась в *улучшении общественных отношений*, устранении воплощенной в них острой социальной несправедливости, а улучшение человеческой природы должно было наступить “само собой” в результате установления справедливых социальных отношений. Аналогичную логику, по всей видимости, разделяли и наши либеральные реформаторы начала 1990-х гг., отодвинувшие, например, такие проблемы, как снижение уровня нравственности в обществе, на периферийный план по отношению к утверждению демократии и рыночной экономики. По всей видимости, отображение этих двух “логик” можно обнаружить и в массовом сознании и поведении современных россиян: одни возлагают надежды на улучшение своей личной жизни вследствие улучшения ситуации в государстве, другие стремятся усовершенствовать ее, невзирая на ситуацию в стране.

При этом в общественном сознании, как часто отмечается, одновременно присутствуют противоположные и несовместимые идеи, между которыми отсутствует единое смысловое поле [20 и др.]. Возникают и такие “кентавроподобные” образования, как “С Богом и царем к победе коммунизма и демократии” [19]. Ж. Т. Тощенко задается вопросом: “... а не является ли нынешняя антиномичность общественного сознания предвестником возможных социальных потрясений?” [21, с. 48].

Констатируется *нерешенность, открытость ключевых вопросов, входящих в область национальной идеи России*, в частности, вопроса о ее цивилизационной идентичности: “... основной вопрос о цивилизационной идентичности России до сих пор не решен. То ли она принадлежит Западу. То ли в ней есть восточные признаки. То ли это некий евразийский синтез. То ли Россия вообще не обладает цивилизационной идентичностью. Главное, что не был предложен и не найден объективный научно самостоятельный способ доказательства утверждаемой позиции” [14, с. 41]. Обращается внимание и на то обстоятельство, что “Российская Федерация представляет собой одно из редких исключений, как государство, не обладающее в современности девизом (формулой) национального существования. Если же говорить о больших, сопоставимых странах современности, то Россия – абсолютная аномалия” [там же, с. 37]. При этом очевиден контраст и с Российской империей, национальным девизом которой было: “Православие. Самодержавие. Народность. С нами Бог. За Веру, Царя и Отечество”, а также и с СССР с его девизом: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Вперед, к победе коммунизма!” [там же]. В связи с этим заметим, что наличие четких национальных девизов не уберегло оба эти государства от распада, а также и то, что на определенных этапах их существования подобные девизы сыграли важную консолидирующую роль. Трудно не согласиться с тем, что четко очерченная цель в развитии нашего общества: его сфер, социальных институтов, организаций и процессов – отсутствует [21], как и с тем, что отсутствие ясной перспективы, уверенности в будущем не может не сказываться на настроениях граждан и деловом климате в нашей стране [1].

В литературе акцентируется также внимание на *общем мировом характере потребности в новой модели общественного развития*. Так, О. Богомолов пишет: «К сожалению, развитие в мировом сообществе научной и политической мысли, как и общественного сознания, явно не поспевает в осмыслении сути и особенностей происходя-

щих перемен. Господствующая в мире идеология, политическая практика и мораль дискредитируют себя. Тем острее ощущается потребность в нахождении новых моделей государственного и экономического устройства, а также глобального миропорядка, которые были бы адекватны вызовам происходящего “макросдвига»» [1, с. 33]. По его мнению, о назревающей революции в умах свидетельствует и доклад ЮНКТАД, в котором констатируется, что “рыночный фундаментализм *laissez-faire* последних 20 лет драматически провалил экзамен” (цит. по: [1, с. 36]).

Тревожность в отношении мировой ситуации в целом свойственна и нашим согражданам. В 2014 году 54% россиян считали, что нынешняя ситуация в мире беспокойная, нестабильная, 18% характеризовали ее как кризисную, а по мнению каждого десятого, мир вообще находился на пороге катастрофы [17].

Б. Славин, например, пишет, что возможно, наступил “конец эпохи деидеологизации” и “пессимистическое восприятие реформ населением было во многом связано и с сознательным дистанцированием радикальных реформаторов от какой-либо ясной идеологии их осуществления <...> они не смогли предъявить обществу собственную сбалансированную систему взглядов, ценностей и идеалов, ради которых следует проводить реформы. Понадобилось несколько лет неолиберальной политики с очевидно провальными результатами, чтобы ее идеологи вдруг заговорили о необходимости выработки национальной идеи” [20, с. 113]. Подобные мнения приводят исследователей к выводу о том, что “проблемы, связанные с самоопределением России в мире, под которым понимается *выбор обществом стратегии* внутреннего и внешнего развития, становятся как никогда актуальны” [17, с. 261].

Интерес к национальной идее России *обострялся во время социальных кризисов, когда рушились устоявшиеся основы ее развития*. Так, составители сборника “Русская идея” в начале 1990-х гг., констатируя глубокий кризис в развитии народного самосознания, писали: “Не случайно, вероятно, то, что в наши дни так остро развернулись дискуссии вокруг русской идеи, ставящие проблемы бытия нации, ее духа и судьбы” [18, с. 6].

СОВРЕМЕННЫЕ ВАРИАНТЫ РОССИЙСКОЙ ИДЕИ

Одной из главных характеристик современных вариантов российской идеи является их выраженный *негативный* характер, поскольку тому, ка-

кими мы не должны быть, уделяется не меньше внимания, чем тому, какими нам надлежит стать. При этом негативные представления о Западе, в первую очередь об англосаксонской культуре и ее лидерах – США и Англии, служат доминирующей точкой отсчета.

Так, А. Кузнецов пишет: «Следует неутешительно констатировать, что англосаксонская глобализация – это глобализация со знаком “минус”, которая деформирует и искажает подлинные ценности человеческого бытия. Англосаксы ввергли человечество в рыночный тоталитаризм, практически лишив его свободы выбора. Вместо раскрытия творческой индивидуальности поощряется зашоренный стереотипный потребительский индивидуализм. Вместо великодушия, альтруизма и человеколюбия культивируется стяжательство, алчность, крохоборство. Вместо труда порождается иждивенчество. Вместо высоких устремлений, душевной широты и бескорыстной дружбы человек подвигается к низким помыслам, накопительству, скарденности, сребролюбию, повсеместному преследованию своих “шкурных” интересов. Вместо любви к родине и родной земле насаждается космополитизм. Вместо создания крепкой, дружной, здоровой и надежной семьи пропагандируются гражданские браки, случайные связи и извращенные половые отношения. Вместо концентрации жизненной энергии на внимательном и неторопливом познании окружающего мира человек склоняется к поиску все новых развлечений и преходящих удовольствий» [10, с. 141–142].

А. Кузнецов жестко критикует и “герабайты развлекательной (пустой и неодоушительной) информации, неограниченное удовлетворение желаний (заранее предопределенных рекламодателями), всеобщую коммерциализацию (основанную на культе финансового и материального фетишизма), возможности быстрого обогащения (за счет нетрудовых доходов) и умопомрачительную скорость жизни, в том числе и благодаря свободе перемещения по каналам глобальной туристической индустрии” [10, с. 141]. По его мнению, «платой за обретенные “блага” стали социальная отчужденность, имущественная дифференциация, иждивенчество, ксенофобия, нарушение душевного спокойствия, здорового и размеренного образа жизни, возможности несуетливого созерцания, осмысления и познания окружающего мира» [там же, с. 140]. “Так называемая свобода экономического человека больше напоминает добровольное самоистязание в погоне за удовлетворением нескончаемых желаний,

страстей и пороков” [там же, с. 141]. “Таким образом, — заключает этот автор, — англосаксонская модель, завоевавшая мир после незавершенного советского эксперимента, со всей очевидностью проявила свою хищническую, паразитическую сущность, окончательно развеяв иллюзии и возможности достижения всеобщего благосостояния и процветания в планетарных масштабах и тем самым предопределив обреченность англосаксонского глобализма” [там же, с. 146].

Описав таким образом, какими нам не следует быть и каким путем нам двигаться не стоит, А. Кузнецов переходит к обозначению миссии России в современном мире. Он пишет: “...сегодня человечеству нужен как воздух *новый моральный и духовный центр*, государство-лидер” [10, с. 147], в роли которого, естественно, должна выступить наша страна. “Россия может не только претендовать, но буквально обязана выступить в роли такого лидера, взяв на себя ответственность за полномасштабное возрождение и развитие славянско-православной цивилизации” [там же]. А чтобы утвердиться в статусе глобального морального и духовного лидера человечества, он считает, что России необходимо:

- восстановление своего полного суверенитета (политического, военного, информационного, финансово-экономического, технологического, культурного);

- следование идеологии, основанной на утверждении принципа социальной справедливости, с полным пониманием того, что альтернативная модель общественного устройства несовместима с рыночной экономикой в ее нынешнем виде как системы мультипликации богатства в интересах меньшинства;

- “переформатирование” информационных, политических и социальных технологий и управления массовым сознанием в средство насаждения добродетели, а не порока;

- осознание своей великой православно-христианской миссии, не терпящей высокомерно-менторского отношения к нерусским народам или к русским, оказавшимся волею судьбы оторванными от России, но желающим воссоединиться с ней [10].

А. Кузнецов именует развитие России в направлении решения обозначенных задач “славянско-православной цивилизационной парадигмой”, подчеркивая, что она позволяет человеку измениться изнутри путем перенаправления его энергии на познание (а не эксплуатацию) окружающего мира, сознательного отказа от по-

требительского образа жизни, максимального раскрытия творческого потенциала через неутилитарное взаимодействие с природой, открывает путь торжества правды над лицемерием, любви над корыстолюбием [10, с. 148]. По его мнению, “возможно, сегодня Россия стоит перед самым ответственным вызовом в своей истории. Принятие Россией этого вызова может круто изменить вектор глобализации, открыв перед человечеством качественно новую перспективу развития” [там же, с. 148].

Как нетрудно заметить, подобное видение современной миссии России ориентировано на решение ее не столько внутренних, сколько внешних — общемировых — задач и органически вписывается в реалии современного мира, такие как *глобализация* (нужна глобализация по-русски, а не по англо-американски), *рыночная экономика* (необходимо показать всему миру образец “правильной”, справедливой рыночной экономики), политические и социальные *технологии* и т. д.

Среди реакций на описанные в литературе настраивания можно выделить достаточно *психологизированные* объяснения некоторой антизападной ориентации современной России. Например, Р. Гринберг пишет: «Запад рассчитывал, что мы станем такими же, “как они”, экстраполируем на себя западные нормы и принципы, систему ценностей и порядки. Мы же хотели жить, как на Западе, наивно полагая, что для этого достаточно отказаться от коммунистической идеологии и перенять актуальные западные правила без учета “места и времени”. И когда обнаружилось, что такой подход не ведет к кисельным берегам и молочным рекам, отвернулись от Запада, *приписав ему вину за собственный массовый инфантилизм* (курсив наш. — А.Ю. и А.Ж.)» [3, с. 6]. Глубинный конфликт между Западом и Россией, по мнению этого автора, «зиждется главным образом на “конфликте иллюзий”» [там же, с. 6]. Р. Гринберг пишет также: «Мы вообще склонны заимствовать все на Западе без учета “места и времени” независимо от того, дружим ли мы с ним (как в начале 90-х) или ссоримся (как сегодня)» [4, с. 7]. При этом “в отличие от нас, на Западе к доктринам относятся не так слепо, а с некоторыми оговорками, с поправками на реальную жизнь” [там же, с. 7], мы же обнаруживаем генетическую склонность к внедрению “единственно верных” теорий и “при этом легко меняем одну утопию на другую” [там же, с. 7].

Во многом сходна позиция А. Ципко, который тоже акцентирует *нашу закомплексованность непохожестью на Запад*. Он пишет: «Всегда был

соблазн отказаться от нашей судьбы, от идеи догоняющего развития, от труда по благоустройству своей жизни и сказать, что, напротив, наше преимущество как раз и состоит в том, что мы не Европа, что в нашем цивилизационном отставании, в нашей бедности и убогом, неустроенном быте, в наших брошенных своими родителями детях есть наше моральное преимущество перед “мещанским Западом”. Ведь на самом деле это наше характерное стремление на цивилизационную особость шло также и от комплексов» [23, с. 171]. По его мнению, “сегодня мы используем самые различные идеологемы прошлого: и славянофильскую утопию, и теоретическое наследство евразийцев, чтобы отказаться от западной мерки определения уровня нашей цивилизованности, отказаться от перспективы очеловечивания и гуманизации нашей русской жизни” [там же, с. 170]. “Мы делаем все возможное, чтобы уйти от неприятного разговора о недостатках русской души и о причинах нашей цивилизационной отсталости” [там же, с. 167], камуфлируя под враждебное отношение к Западу враждебное отношение к цивилизации. В общем, по его мнению, наблюдается ситуация, напоминающая сюжет басни И. А. Крылова “Лиса и виноград”.

Отмеченный А. Ципко “комплекс”, по всей видимости, дополняется еще одним — “комплексом” непринятия России в Европу и оттеснения на периферию европейской (и не только европейской) жизни, очень болезненно переживаемый многими нашими согражданами, считающими, что наша страна должна находиться в фарватере мировой истории.

“Оправдательный” психологический смысл русской идеи, стремление оправдать и представить в качестве достоинств те наши недостатки, которые мы не в силах преодолеть, проявляется и в известных попытках придать позитивное значение татаро-монгольскому игу, представить в позитивном свете те качества, которые оно в нас выработало, несмотря на продемонстрированные многими историками, например Н. М. Карамзиным [8], его очевидные и крайне негативные последствия.

Таким образом, по мнению ряда авторов, одной из главных социально-психологических предпосылок формирования специфической российской идеи на современном этапе, как, впрочем, и в нашей истории, выступает наша “неспособность” жить по западным образцам и возлагание на Запад ответственности за эту “неспособность”, приводящую к отвержению всего западного и чередующуюся (по “закону маятника”) с его некритическим (как в 1990-е годы) принятием.

В публикациях, впрочем, очерчиваются и не антизападнические перспективы развития современной России. Например, О. Богомолов пишет: “России предстоит выбрать такую модель и стратегию общественно-экономического развития, которая органически сочетала бы социальную и демократическую ориентацию деятельности государства с его командными позициями в управлении плановой и контроле за рыночной экономикой <...> Будущее за обществом, ориентированным на удовлетворение насущных нужд современного человека, социальную справедливость, на развитие культуры, образования, науки, улучшение здоровья нации и т.д.” [1, с. 37]. При этом констатируется, что “*безнравственная экономика бесперспективна*” [там же].

Б. Славин пишет: “Конкретная ценностная структура, которая могла бы составить костяк новой идеологии, должна, прежде всего, включать такие понятия, как *права человека, справедливость, свобода, солидарность, демократия, патриотизм*. Они коррелируются с социальным идеалом, который можно выразить краткой, но емкой формулой: *свободный человек в справедливом и демократическом обществе*” [20, с. 122]. Он акцентирует и необходимость *преемственности* в поиске национальной идеи России, в частности то, что проект будущего российского общества должен стать своеобразным продолжением уже осуществлявшихся в нашей стране проектов “социализма” и “капитализма” [там же]. А социологи, анализирующие результаты опросов населения, считают, что у современных россиян есть некий идеальный образ справедливо организованного общества, которое должно вбирать в себя все лучшее из социализма и капитализма, но при этом быть лишенным их основных пороков [там же].

Социологические исследования демонстрируют также, что в последние годы у значительной части россиян, наряду с их ухудшающимся отношением к западным странам, особенно к США, появились сомнения в самом факте цивилизационной принадлежности России к Европе. Доля россиян, считающих, что прошлое и будущее нашей страны связано именно с этим регионом, сократилось с 55% в 2002 г. до 36% в 2014 г. И, напротив, возросло число тех, кто полагает, что наша страна представляет собой особую цивилизацию на стыке Европы и Азии с перспективой “дрейфа” в восточном направлении [17].

Вообще же, по данным социологов, соотношение россиян, связывавших исторические судьбы России с Европой и считавших, что у нашей стра-

ны другой путь, на рубеже столетий составляло 2:1, а в последнее время изменилось на обратное [17]. При этом наблюдается расхождение мнений респондентов в отношении культуры, экономики и национального менталитета: *культурное сходство* России с Европой принимается большим количеством россиян, чем сходство менталитета и экономики [там же]. На этом основании исследователи делают вывод о том, что в ментальном пространстве наших сограждан Россия предстает не как европейская, не как азиатская и даже не как евразийская, а как *европейско-евразийская* страна, что соответствует сформулированной некоторыми славянофилами концепции России как “второй Европы”, более открытой Востоку, но сохраняющей возникшие на общей христианской основе стержневые *свойства менталитета и культуры* [там же].

Опросы также свидетельствуют о формирующейся в нашем массовом сознании *неопределенности* относительно тенденций и перспектив развития страны [17]. При этом растет как количество убежденных в том, что российская цивилизация – особая, так и число сторонников “особого пути” России [там же]. В то же время данную матрицу нельзя безоговорочно охарактеризовать и как евразийскую. На основе эмпирических исследований скорее можно констатировать формирующийся ныне в российском социуме *новый исторический проект* “альтернативной Европы” [там же].

Увеличивается – с 45% в 2007 г. до 52% в 2014 г. – число россиян, которые считают вполне реалистичной задачу вхождения России в ряд самых экономически развитых и политически влиятельных стран мира, а доля не видящих смысла для нашей страны стремиться к каким-либо глобальным целям составляют лишь 4%, однако лишь небольшое количество рядовых россиян привлекает “мессианская” составляющая величия их страны. Так, граждан, считающих, что России надлежит стать “цивилизационным мостом” между Европой и Азией, было в 2014 г. лишь 8%. [17]. Осуществившие данное исследование социологи констатируют: “Таким образом, россияне, похоже, надолго отказались от стремления чем-то облагодетельствовать человечество” [там же, с. 272]. Если это действительно так, то налицо расхождение установок рядовых граждан и современных российских идеологов.

В то же время стоит отметить, что и на Западе находятся обществоведы, которые считают, что Россия, подобно Советскому Союзу, служившему источником альтернативной культуры, политических институтов и системы ценностей, может пред-

ложить миру свою модель развития, у которой на Западе вполне могут найти сторонники [12].

Среди лозунгов, выражающих *особый путь* России, на первом месте стоит лозунг социальной справедливости (47% опрошенных), на втором – возвращения к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем (35%), на третьем – о России как великой державе, империи, объединяющей разные народы (32%). При этом растет число считающих, что Россия идет правильным путем, и в 2014 г. оно составляло 75% (в 2001 г. – 61%, 2011 г. – 60%, а 2012 г. – 64%). Вместе с тем опросы показывают, что по поводу *нового места России* в мире население нашей страны не гомогенно. В некоторой его части, прежде всего в высокодоходных слоях жителей мегаполисов, формируется иное (по сравнению с приведенным выше) представление о желательном векторе развития страны и другой характер национальной идентичности. Для разных слоев общества характерны различные варианты национальной идеи. А численность сторонников крайних взглядов – западников-либералов и почвенников-консерваторов – невелика, составляя соответственно 3% и 5%. Основная же часть симпатий отдается моделям сильного, социально ориентированного государства [17].

Современные *проекты развития России* и, соответственно, нынешние варианты нашей национальной идеи можно разделить на две группы. Один тип проектов основан на достаточно жестком и агрессивном противопоставлении России Западу, другой – на заимствовании у него всего лучшего и дополнении его собственными особенностями. Например, сочетание демократии и рыночной экономики со справедливостью, нравственностью, духовностью, отсутствием приоритета материального над духовным и т.п. При этом и антагонистичные Западу проекты все же предполагают у него некоторые заимствования, например, развитие “правильного”, справедливого варианта рыночной экономики в противовес “неправильной” и несправедливой экономике Запада.

Обращает на себя внимание достаточная *тривиальность* выдвигаемых проектов развития России. Возможно, время породит и менее тривиальные варианты, но все же предлагаемое лучше, чем обеспечение духовности путем полного забвения материальных проблем.

Психологически понятное желание значительной части наших сограждан “быть лучше” Запада было бы целесообразно обратить из преимущественно критичного в конструктивное русло,

т.е. в стремление продемонстрировать наши успехи (которые есть и которых надо добиться), а не возвеличивать наши недостатки и возводить их в ранг достоинств. Как писал И. А. Ильин, “желая идти своими путями, мы отнюдь не утверждаем, что будто мы ушли на этих путях очень далеко или будто всех опередили” [18, с. 440].

Подчеркнем, что *основные слагаемые* предлагаемых сейчас вариантов нашей национальной идеи едва ли не противоположны происходящему в современной России, что демонстрирует ее во многом *компенсаторный* характер. Так, об уровне социальной справедливости в нашей стране, которую можно разделить на две составляющие (неравенство доходов и заслуженность высоких доходов), свидетельствует огромная дистанция в уровне доходов богатых и бедных, а также незаслуженность богатства многими из тех, кто его обрел. Отмечается и то, что у нас самые высокие доходы не в отраслях, которые в современных условиях определяют лицо страны, таких как промышленность, высокие технологии и наука, а у банковских служащих и работников ТЭК, при этом доходы менеджмента, в том числе государственных компаний, нередко превосходят доходы менеджмента стран, в которых производительность труда и жизненный уровень во много раз выше, чем в России [9].

Общеизвестные недостатки российской демократии, выражающиеся, например, в том, что, по данным опросов, более 80% наших сограждан считают, будто не могут повлиять на происходящее в стране [11], несмотря на существование всех основных демократических процедур, а также вхождение России в группу мировых “лидеров” по таким показателям, как количество убийств и самоубийств на 100 тыс. жителей, число детей, оставшихся без попечительства родителей, количество нервно-психических заболеваний и т.п. [24], тоже демонстрируют, что обрисованные выше варианты национальной идеи скорее являются “национальной мечтой”, чем идейным оформлением реальных достижений нашей страны. Впрочем, во многом в этом и состоит смысл национальной идеи, которая если и не является “полезной утопией”, то, по крайней мере, указывает направления, в которых нам следует преодолевать свои недостатки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Неантагонистичные проекты, основанные не на жестких противопоставлениях, на наш взгляд, являются более адекватными. Наиболее конструктивным представляется сочетание духовности и материального благополучия, гармония во

всем, культурный синтез, воздвигание наших необъятных территорий, совершенствование общества и человека, конъюнктивность (кстати, очень характерная для китайской культуры), а не дизъюнктивность (одновременно и духовное, и материальное благополучие, преодоление нашей национальной традиции регулярно впадать из одной крайности в другую, “разрушать до основания, а затем ...”). Это предполагает заимствование всего лучшего из прежних вариантов национальной идеи России и отсутствие отношения к ним с революционной непримиримостью, но не предполагает, естественно, некритичного заимствования из других культур неприемлемого для нас, перенос отсюда тех *форм социальной организации*, которые явно противоречат основным *особенностям российского менталитета* [6]. Важно также не испытывать ни чувства превосходства над другими народами, выливающегося в противопоставление себя им, ни чувства национальной неполноценности, например, от нашей невозможности жить по западным образцам.

Национальной идее России вовсе необязательно быть *специфической*, разделяемой только ею, отличной от национальных идей других народов. Например, ценности свободы, справедливости и эффективности в определенной мере разделяют все основные идеологии [20]. Не следует стремиться к уникальности и неповторимости национальной идеи России, к воплощению принципа “специфичность любой ценой”. Так, И. А. Ильин подчеркивал: «Дело совсем не в том, чтобы быть ни на кого непохожим; требование “будь как никто” неверно, нелепо и неосуществимо» [18, с. 441]. Вряд ли следует избегать воспроизводства в национальной идее России ключевых элементов национальных идей других стран, а тем более общечеловеческих цивилизационных принципов.

В настоящее время можно согласиться и с тем, чтобы национальная идея носила “скромный” характер: состояла бы, например, в том, чтобы сделать Россию одной из стран, наиболее благоприятных для проживания, без претензий на то, чтобы указывать всему человечеству путь к светлому будущему. Социологические опросы тоже свидетельствуют о том, что для большинства россиян главными предпосылками возвращения России в число ведущих мировых держав является решение ее *внутренних* политических, социально-экономических и культурных проблем. Все меньшее число россиян считает реалистичным возвращение России статуса супердержавы²,

² В интервью немецкому журналу “Бильд” В.В. Путин сказал, что это “очень дорого и не нужно”.

какой был СССР. Более реалистичной целью они полагают вхождение России в число наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира [17].

В то же время существуют опасения, что в стране, где свободные цены сочетаются с обвешиванием и обсчитыванием покупателей, где улицы поливают в дождь и регулярно наблюдаются другие несуразности и нарушения здравого смысла, значительная часть населения поддержит более упрощенные и наступательные варианты национальной идеи, основанные на жестких противопоставлениях и противостояниях, чем непременно воспользуются идеологи и политики.

Очевидно и то, что национальная идея России должна носить *многокомпонентный* характер, не сводиться к чему-то одному и не быть направленной на решение либо только экономических (хорошо известный “экономический детерминизм”), общесоциальных или нравственно-психологических проблем, а охватывать их все во взаимосвязанности и единстве, что требует использования хорошо известного комплексного подхода [13, 16]. *Многосторонний* характер национальной идеи, которая нужна России, представляется достаточно очевидным – как и *междисциплинарный* характер изучения предпосылок ее формирования, что также осмысливается в современной психологии [15 и др.].

Среди этих предпосылок отчетливо проступают и *психологические*, связанные с основными *функциями* национальной идеи, описанными в начале этой статьи. Хотя, конечно, выделение психологических предпосылок в “чистом виде”, вычленение их из единого социокультурного, политического, экономического и другого контекста формирования и развития национальной идеи представляется неосуществимой и едва ли разумной задачей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богомолов О. Мир в процессе радикальных перемен: новые модели жизнеустройства // Мир перемен. 2015. № 1. С. 31–44.
2. Вардомский Л. О грозных вызовах современности // Мир перемен. 2014. № 4. С. 174–179.
3. Гринберг Р. Парижская Хартия как упущенный шанс // Мир перемен. 2015. № 3. С. 5–7.
4. Гринберг Р. Россия опять в поисках “верного” пути // Мир перемен. 2015. № 1. С. 5–7.
5. Дергачев В. “Чтобы сойти с ума – надо его иметь”, или тенденции постсоветской имитации реформации и просвещения // Мир перемен. 2007. № 3. С. 98–111.
6. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть III. На пути к технологиям согласования социальных институтов и менталитета // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 6. С. 5–25.
7. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 5–15.
8. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V, VI. М.: Московский рабочий, 1993.
9. Кива А. Суверенная демократия, тандемодократия, что дальше? // Мир перемен. 2012. № 2. С. 131–146.
10. Кузнецов А. Судьба англосаксонского глобализма // Мир перемен. 2015. № 3. С. 133–148.
11. Левашов В.К. Социополитическая динамика российского общества: 2000–2006 гг. М.: Academia, 2007.
12. Лейн Д. Российская трансформация: становление мировой державы? // Мир России. 2010. Т. 19. № 4. С. 3–24.
13. Методология комплексного человекознания и современная психология. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2008.
14. Национальная идея России. Т. 1. М.: Научный эксперт, 2012.
15. Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2003.
16. Психология человека в современном мире. Том 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
17. Российское общество и вызовы времени / Под ред. М.К. Горшкова. М.: Весь мир, 2015.
18. Русская идея. М.: Республика, 1992.
19. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (социологический очерк). М.: Механик, 1996.
20. Славин Б. В поисках идеологии и модели развития // Мир перемен. 2007. № 3. С. 112–127.
21. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального развития и маркетинга, 2015.
22. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 1997.
23. Ципко А. Еще раз о различии между русофобией и просвещенным патриотизмом (Заметки на полях книги “Русский вопрос в истории политики и мысли”) // Мир перемен. 2015. № 2. С. 157–172.
24. Юревич А.В. Психология социальных явлений. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2014.
25. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Метаморфозы либерального психотипа // Вестник РАН. 2015. Т. 85. № 2. С. 164–172.

THE SEARCH FOR NATIONAL IDEA AS PSYCHOLOGICAL PROBLEM: REFLECTION OVER TEXTS

A. V. Yurevich*, A. L. Zhuravlev**

**Associated member of RAS, professor, deputy director of the Institute
of psychology of the RAS;*

***Associated member of RAS, professor, director of the Institute
of psychology of the RAS.*

The article deals with the analysis of texts which are well known in the history of Russian humanitarian thought as well as modern ones, devoted to the search for Russian national idea. The functions of national idea including the psychological ones referring to the sense of life, creation, identification, consolidation, construction, compensation are under analysis. It is underlined that the national idea creates the collective sense of the nation's existence, which makes projection at the level of individual senses. The psychological characteristics of the search for national idea in the history of Russian humanitarian thought are given. The state of national idea in modern Russia is described. The optimal variant of such idea for our country is depicted. The results of investigations, demonstrating in what way, to the Russians' opinions, our country has to develop, are presented.

Key words: national idea, functions, collective and individual senses, multidimensionality, discontinuity, Russia, West, modern variants.